

«МЯГКАЯ ИДЕОЛОГИЯ» СОВРЕМЕННОСТИ И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.И. СПИРИДОНОВА

Мы живем на переломе эпох. Знаковая книга Ф. Фукуямы «Конец истории» не столько поставила точку в конце одной исторической эпохи, сколько обозначила будущее мирового сообщества. Мало кто из читающей публики обратил внимание на примирительный тон работы американского исследователя. Казалось бы, нюанс незначительный – победитель благороден. Он даже не торжествует, а просто умиротворен. Супергерой «империи добра» сделал свое дело и тихо удаляется, не требуя награды. Однако это вовсе не так. Напротив, победитель получает все, причем в буквальном смысле: весь мир, но при этом круто меняет параметры взаимодействия субъектов мировой истории. Субъект отныне один, и он творит от своего имени новую идеологию – идеологию глобализма. Произошел своеобразный «мировой государственный переворот», когда сформировался странный мир, в котором одно государство пытается диктовать свою волю бесчисленному множеству других государств.

Французские исследователи всегда относились очень чувствительно к усилению американского влияния в мире. Сегодня, считают они, возник некий симулякр, подобие новой Римской империи в виде США, которым необходима новая идеологическая платформа. И она появляется на наших глазах. Рождается идеология «конца идеологий», или, по точному выражению политических философов в области коммуникаций Франсуа-Бернара Юига и Пьера Барбе, «мягкая идеология» (*La soft-idéologie*), для которой показательно широкое распространение «политической дискуссии, лишенной идей и проектов»¹. «Мягкая идеология» – это идеология демобилизации. Она вызывает к жизни общество безразличия, нарциссистского индивидуализма и потери смысла. Она созидает «консенсус апатии в отношении самых важных и сущностных смыслов человеческого существования»². Как со всей резкостью замечает Ф.-Б. Юиг, она провозглашает поклонение вещам и экзальтацию идеологии «маленьких счастливых». *La soft-idéologie*, – пишет он, – это власть денег, бизнес, моральное вырождение, либерализм и рок-культура³.

La soft-idéologie, как замечает другой исследователь С. Халими в рецензии на книгу Ф.-Б. Юига и П. Барбе, – это вытеснение глубокого размышления над главными вопросами социального устройства, глубоких дискуссий об обществе и его перспективах, это замещение интеллектуалов «людьми спектакля», заслонение лидеров дилерами, это – «мягкий плюрализм ценностей» перед лицом «жесткой монолитности систем»⁴.

XX век человечество прожило в мире непримиримой схватки двух систем – капиталистической и социалистической, прямого и жесткого противоборства двух антагонистических соперников. Этому процессу соответствовала идеология открытой конфронтации. Символами раздела были «берлинская стена» и «железный занавес». Фундаментом идеологической борьбы была экономика. Противостояние недвусмысленно обозначалось как политико-экономическое и идеологическое.

Мировоззрение XXI столетия зачиналось в конце XX «бархатными» революциями, поле битвы мягко сместилось в область расплывчатого культурного регистра. Завершающая ныне свое формирование идеология глобализма проводит новый водораздел по границе между «цивилизацией» и «варварством», который, однако, не перестает быть линией фронта.

Идеологема «бремени белого человека» вновь обретает жизнь и получает новую интерпретацию. Возрождаются традиции мелиоративного интервенционизма. Некогда англичане провозгласили себя носителями цивилизаторской миссии для отсталых народов. Сегодня США выступают с программой административного переустройства «отсталых» государств⁵. Поскольку последние сами не могут рационально управлять своими ресурсами, они нуждаются в опеке, чтобы приобрести американский образ жизни в обмен на богатства своих недр⁶. По сравнению с эпохой британского владычества современный американский проект предстает как «облегченный империализм», как гегемония без колоний, как указывает канадский исследователь, преподаватель университетов в Кембридже, Оксфорде, Гарварде и Торонто М. Игнатъефф. Америка стремится создать глобальную сферу влияния, освобожденную от балласта прямого администрирования и от рисков, которые сопутствуют прямому повседневному политическому управлению⁷.

Культурологический аргумент, идеологически более пластичный по сравнению с жестким экономическим диктатом, определявшим мир XX столетия, на самом деле призван скрыть то, что политическая экономия XX в. сделала явным – противоречия между господствующим сословием и остальными. Этому помогает, в частности, упомыная выше дихотомия «цивилизация – варварство», растиражированная как единственная шкала оценки современности. В такой перспективе формируется оппозиция между «единой Цивилизацией и множеством варварств». Война идет против «государств-бандитов», «государств-разбойников» («États-voyous» ou «brigands», rogue states), или же государств с «отклоняющимся поведением». Множество так называемых «премодерных» (а значит, нецивилизованных) государств предстает как угроза новому мировому порядку, они всего лишь гумус для построения «нового мира». Задача спасителя человечества – ре-

формировать или разрушить их от имени либерального капитализма и демократии ради пользы большинства.

Ж. Ассейяг, директор Французского центра исследований в области гуманитарных и социальных наук, считает, что на наших глазах рождается новая американская идеология. Ее основаниями являются два главных постулата. Первый гласит, что в мире международного терроризма отныне не будет существовать строгого разделения политики государства на внутреннюю и внешнюю. Второй предполагает повсеместное распространение двух фундаментальных общечеловеческих ценностей — рынка и демократии. При всем желании затемнить суть происходящего это означает, что все очевиднее становится тот факт, что таким образом выстраивается новое «колониальное настоящее»⁸.

Шкала «цивилизация — варварство» подразумевает существование единственной правильной цивилизации — евро-американской, которая априори считается универсальной. В результате формируется новое неравенство человеческого рода. Все помнят, что атака против Америки 09.11 была интерпретирована как атака против самого человечества. «Не умаляя ужаса того нападения, — пишет Ж. Ассейяг, — все же очевидно, что такого рода сравнения не употребляются, когда речь идет о масштабных жертвах в странах Юга... Счет убитых там всегда приблизителен, тогда как на Западе он точен. Как будто на Юге убивают анонимные массы, а резня касается только недочеловеков»⁹. Американская стратегия представляет США как «всемирную универсалистскую нацию», «исключительную и провиденциальную имперскую республику», которая изрекает глобальные общечеловеческие ценности и от их имени уничтожает «врагов цивилизации»¹⁰.

В реальности такая модернизация через колонизацию не может принести ничего, кроме онтологического разделения на «своих» и «чужих», на два вечно враждующих лагеря, на возвращение в мир архаичного варварского противостояния — непримиримого конфликта между «мы» и «они».

Виртуальное пространство — политика другими средствами

Идеологический манифест «конца идеологии» к исходу прошлого столетия получил новое мировоззренческое подкрепление — была сформулирована теория «конца территории», которая позволяет поставить современные претензии единственной сверхдержавы на глобальное управление миром на крепкое идейное основание. Знаменательно то, что концепция «конца территории» также переводит дискуссию из экономического поля в культурологическое, что укрепляет дихотомию «цивилизация — варварство» и уменьшает шансы традиционного дискурса в терминах эксплуатации, неокOLONIALИЗМА и неоимпериализма.

Теорию «конца территории» в середине 90-х гг. обосновывал, в частности, известный политический философ Бертран Бади, профессор целого ряда ведущих французских университетов, специалист по международным отношениям¹¹. По его мнению, территория как базовая категория политической реальности сегодня «исчезает» вследствие наступления трех фундаментальных событий современности – глобализации, окончания «холодной войны» и кризиса государства.

Современные теории «конца территории» как разновидность теорий пространства, тесно связаны с освоением нового, пятого, пространства – киберпространства. В отличие от земли, моря, воздуха и стратосферы сегодня здесь нет дистанции и нет границ. Даже попытки диктаторских режимов установить полный контроль над киберпространством терпят крах. Одно из последних тому свидетельств – Египет, власти которого хотели изолировать страну от распространения на ее территории арабских революций. Для этого четыре ведущих египетских оператора прервали свою работу в Интернете. Однако все дело было провалено маленькой компанией, поддерживаемой США, которой удалось развернуть свою сеть и выложить в ней компрометирующее видео о подавлении властями демонстрантов. В эпоху информационного общества не надо бомбить аэродромы, достаточно в нужное время и в нужном месте запустить несколько бит информации.

Киберпространство сегодня рассматривается как новое реальное пространство войны, где могут разворачиваться современные стратегические силы. Одним из ярких примеров недавней истории подобных кибер-боев может быть информационная схватка времен правления Буша младшего и Обамы, когда с помощью вируса Stuxnet Израилем была проведена атака на иранские программы по обогащению урана на заводе в Натанзе, которая привела к замедлению работ на центрифугах этого предприятия на срок не менее, чем два года.

Понятие «мягкой власти» было введено в широкий политический оборот в 1990 г. в работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской мощи» американского геополитика Дж. Ная, участника Трехсторонней комиссии, одного из ведущих теоретиков неолиберального институционализма в международных отношениях, работавшего в администрациях Картера и Клинтона¹².

Идеологическим фундаментом концепции «мягкой силы», или, точнее, «мягкой мощи», является не грубое военное и экономическое принуждение, а «более тонкие» материи культурного и цивилизационного влияния, которые на современном этапе используют многообещающие сетевые интернет-технологии. Абсолютное мировое превосходство США в этой области подпитывает имидж этой державы, коллективное воображаемое которой сконцентрировано на идее

собственной исключительности и универсальной привлекательности ее образа жизни. Российский исследователь Е. Пономарева в статье «Железная хватка “мягкой силы”» отмечает: «Soft power использует весь спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и иных технологий. Все это в комплексе позволяет согласиться с мнением немецкого издателя Й. Йоффе относительно “мягкой силы” Америки, которая даже более значима, чем ее экономическая или военная мощь. Американская культура, будь она низкого или высокого уровня, проникает повсюду с интенсивностью, которая наблюдалась только во времена Римской империи, но с новой характерной особенностью. Воздействие Рима или Советского Союза в области культуры как бы останавливалось на уровне их военных границ, американская же “мягкая сила” правит империей, где никогда не заходит солнце»¹³. Разработанная Дж. Наем концепция «мягкой силы» служит сегодня основной методологической базой для развязывания сетевых пространственных ментально-образных войн¹⁴.

Косвенные, непрямые, скрытые, а то и вовсе тайные тактики ведения современной «информационной войны» наглядно проявляются в оформлении в последние годы так называемой digital diplomacy — цифровой дипломатии, называемой иначе кибердипломатией, дипломатией социальных сетей или дипломатией США Web 2.0. Политико-философской основой ее является новая виртуальная форма идеологии либерализма. Теоретическим основоположником кибер-либерализма считается Милтон Мюллер, профессор Школы Информационных Исследований в США¹⁵.

Внешне очевидный посыл об удивительном мире индивидуальной и гражданской свободы, дарованной человечеству Интернетом, умело трансформируется в идею «денационализованного либерализма». Классическая ценность либеральной свободы и индивидуального выбора в новом прочтении транскрибируется как свобода общения и обмена информацией в мире без барьеров, как всеобщее право на получение и распространение информации независимо от государственных границ. Главным действующим лицом современности провозглашается индивид, свободный от национально-ментального «бэкграунда». Новый мир легко конструировать, когда кирпичиками мироздания являются «свободные» человеческие атомы, которые мощные «силовые поля» без особых усилий заставят принять удобную для себя конфигурацию. Именно так проблема «конца истории» и «конца территории» из историографической перерастает в идеологическую, равно как и в практическую проблему реальной геополитики.

Подготовленная идеологией глобализации тема индивидуации планетарного пространства получает, таким образом, в свое распоряжение нового субъекта действия — активного блоггера, который

объявляется отныне «гражданином сети» — *«netcitizen»*. Новый гражданин нового мира, освобождаясь от бремени государства, становится актором, который всей своей деятельностью должен способствовать упразднению власти «национальных государств» и реализовать подходящее на смену им «глобальное управление» под эгидой самого развитого государства современности. «Мы должны найти способы перевода классических либеральных прав и свобод в структуру управления, подходящего для глобальной сети Интернет»¹⁶, — писал в 2010 г. М. Мюллер в книге «Сеть и Государства: Глобальная политика управления Интернетом».

Вот так позитивно-гуманная идея беспрепятственного человеческого общения превращается в прагматический проект правительства США, обнародованный в 2009 г. На руководство программой Госдепартамента была мобилизована воинственная Х. Клинтон, а основные идеи были разработаны А. Россом, советником Х. Клинтон по инновациям. «Искусство управления государством в XXI веке» — именно так назвал Алек Росс один из двух ключевых документов по реализации политики цифровой дипломатии, опубликованных в конце 2010 г. В своих программных текстах А. Росс заявляет, что «Интернет привел к диффузии власти, и влияние в мире переходит постепенно от государств и правительств к гражданам сети Интернет. США, в свою очередь, должны приспособиться к новому ландшафту и играть ведущую роль среди пользователей сетями»¹⁷.

Были названы основные политические цели интернет-дипломатии — борьба с авторитарными режимами посредством поддержки оппозиции и протестных настроений пользователей сетевых ресурсов в странах, где, по квалификации американских наблюдателей, отсутствует свободный доступ к Интернету. Еще недавно в этот список входили, например, Иран и Китай, где действительно предпринимались попытки самообороны от американской информационной атаки с помощью вскрытия контактов пользователей сети с американскими структурами и через создание собственных национальных независимых интернет-сетей. Сегодня в перечень «неблагонадежных стран» превентивно попала и Россия, в которой пока еще нет подобных ограничений по контактам с иностранными пользователями и нет так называемого «файерволла» (англ. «*firewall*») — комплекса мер для пресечения нежелательных идеологических влияний.

Новая тактика «мягкой идеологии» работает под прикрытием неоднократно апробированной идеи демократизации. Так незаметливо новоиспеченные «нетмены» — термин, уже пущенный в оборот в российских СМИ (очевидно, от английского «*netman*» — «человек сети»), из романтических «граждан мира» превращаются в граждан, ориентированных на Западные ценности. А самая развитая страна мира получает в свое распоряжение, как справедливо заметила автор статьи в

газете «Коммерсант», «недорогой и легкий в применении инструмент воздействия на граждан других стран. Это полностью меняет характер противоборства: теперь им не надо бомбить аэродромы – можно бомбить мозги. По сути, это суперновая методика неокOLONIALИЗМА»¹⁸, – добавляет она, цитируя источник «Ъ» в МИД РФ.

В соответствии с логикой поставленной цели, очевидно, необходимо, прежде всего, расширить доступ граждан к виртуальному пространству, что и стремится обеспечить США в первую очередь. Следующей задачей называется выявление активных блоггеров (*netcitizens*) через детальное изучение зарубежных социальных сетей. Для достижения этой цели Госдепартамент США финансирует в Гарвардском университете проект, направленный на исследование политической ориентации пользователей социальных сетей и блогов в таких странах как Иран, Россия, Китай и др. Анализируется содержание дискуссий, в частности, на базе российской платформы *Twitter*, выявляются наиболее популярные блоги. Так, по свидетельству Г.О. Ярыгина и Н.А. Цветковой, американские эксперты обнаружили в социальных сетях России противостояние двух идеологий – национализма и либерализма, причем побеждает первая. Таким образом, заключают авторы исследования, «США, в отличие от периода “холодной войны”, обладают всеобъемлющей информацией о политической расстановке сил в блогосфере, что позволяет оказывать влияние на оппозиционные настроения и развивать диссидентское движение через Интернет»¹⁹. Сегодня оформился даже специальный термин – «кибердиссиденты» (*cyberdissidents*).

Для успешной мобилизации оппозиции в США финансируются проекты одно-двухдневных интерактивных конференций («Tech Camp» – Технологические лагеря, «Serious games» – Серьезные игры), на которых проводятся мозговые штурмы для представителей зарубежных неправительственных организаций с американскими IT-специалистами и представителями компаний Google, Facebook и Twitter²⁰. Через социальные сети специалисты Госдепартамента выявляют самых активных блоггеров. Их приглашают для прямых контактов (саммит «Союза молодежных движений» – Alliance for Youth Movements в Вашингтоне, конференция в штате Техас, где были представлены Сирия, Венесуэла, Куба, Иран, Россия, Китай и Колумбия)²¹.

Таким образом, тактика «мягкой идеологии», используя достижения информационной революции, фактически делает их орудием идеологической и психологической войны в новом пространстве. Окончание «холодной войны» вовсе не привело к долгожданному «вечному миру». Напротив, оно стало началом новой – Четвертой мировой войны, с чем согласны многие исследователи на Западе. Целью этой войны является гегемония США в мире.

Существуют две крайности в восприятии новой информационной революции, связанной с Интернетом. Первая преувеличивает возможности «Большого брата» и абсолютного контроля над умами. В этой перспективе информационная война видится как новый Армагеддон, из-за чего она даже была наречена «Кибергеддоном». Вторая слишком доверчиво и романтично верит в утопию планетарного форума. Очевидно, не следует преуменьшать опасности манипуляции и управления общественным мнением, особенно в ситуации нарастающего могущества единственной сверхдержавы и ее стремления «сделать мир безопасным для Америки». В этом смысле следует помнить об изменении терминологии, которое произошло на наших глазах: всемирная Паутина превратилась в Сеть. Но последняя есть уже нечто упорядоченное, искусственно организованное и, следовательно, вполне управляемое.

Новая идеологическая стратегия «мягкой власти» в последние годы приобрела синоним и часто обозначается как «smart power», что можно перевести как «ловкая, хитроумная, смышленная, оборотистая власть». Речь идет о таких формах влияния, которые используют перифраз прежней стратегии — «если не можешь что-либо пресечь, возглавь». Эта формулировка звучит сегодня так: «Поскольку события нас опережают, попробуем их организовать»²². Именно в этом русле действуют США, создавая в «опасных» для них странах собственные сети и снабжая их выгодной для себя имиджевой информацией. Такова их тактика в государствах мусульманского фундаментализма, уже принесшая первые плоды «арабской весны». В тот же «джентельменский набор» входят и затеи с «Твиттеровой дипломатией», которая не только создает возможность распространения выгодных для эмитента слухов — «интернет-репутации» страны и ее действий на мировой арене, но, что, в конечном счете, самое главное в деле насаждения своего влияния — позволяет внедрить в головы людей свое видение реальности, свой «рассказ», если выразиться, прибегая к терминам постмодернизма.

Таким образом, какими бы ни были реальные возможности ведения кибер-войн, очевидно, одно: пространство Интернета вовсе не является таким уж нейтральным как его пытаются представить некоторые наивные или, напротив, слишком заинтересованные лица. Развитые страны современного мира готовятся к новым ударам в информационном поле уже сегодня. Для этого немалые деньги выделяются правительствами на создание оборонительного кибероружия. Стремление сохранить национальную независимость заставляет перспективных мировых игроков, таких, например, как Китай, разрабатывать и использовать собственные поисковые системы, аналогичные Google, а также Facebook, Twitter, известные в совокупности под названием «Великий китайский файерволл».

В последнее время заговорили также о реальности закрытой сети мусульманского Интернета, разрабатывавшегося первоначально в Иране под названием «Халяльный интернет», а также северокорейской локальной интернет-сети «Кванмён». Иранские эксперты поясняют, что создание «Халяльного интернета» – ответ страны на попытки Соединенных Штатов «пробить электронный занавес», которым отгородился Иран (такую терминологию использовал недавно президент США Барак Обама)²³. «В условиях то и дело вспыхивающих кибер-войн, регулярных кибер-набегов и массовой вербовки хакеров в кибер-солдаты желание некоторых государств выстроить своего рода кибер-крепости понятно»²⁴, – признает даже один из противников такого рода защиты.

В этом отношении вывод в Интернет кириллицы предстает как определенный этап сохранения государственной и национальной безопасности нашей страны. Это создаст в будущем перспективу консолидации собственного культурного пространства, способного противостоять давлению, а возможно, при благоприятном сценарии эволюции событий и вступить в конкуренцию с единственной сверхдержавой современного мира. Только тогда можно будет говорить о самостоятельном развитии не только России, но и других регионов мира, о позитивном переосмыслении понятий «граница», «территория», «суверенитет» – об уважении чужого национального достоинства.

«Мягкая идеология» делает ставку на культурологический аргумент. Идеология глобализма покушается на «культурное воображаемое» других народов. Замещая глубинные структуры «родного» коллективного бессознательного, «вселенские» ценности активно формируют «общечеловеческую» универсальную технологию мирового потребительства. «Похоже, у “сетевиков” нет родины», – сокрушается Р. Дебре. «Они культивируют полуобщинные и полупланетарные чувства... житель сетевой деревни устраивает короткое замыкание в среднем эшелоне наций»²⁵. Ясно, что такая установка работает успешно на территориях, предварительно хорошо идеологически «зачищенных».

Россия, ослабленная исторически нарушенными коммуникационными связями между поколениями, весьма смутно ощущающая свой базовый идентификационный код, фактически утрачивающая свою собственную культуру, рискует оказаться под прессом интернационального паттерна. Западная, «единственно верная» модель развития ложится на хорошо расчищенную от самобытности почву. Нет культурного иммунитета, и общество вновь самоорганизуется по наиболее примитивным, архаичным лекалам. Модернизация трансформируется в разновидность «архаизирующей модернизации». Чтобы преодолеть этот сценарий развития для страны жизненно необходимо самоопределиваться на основе собственных культурно-исторических

ценностей, связать воедино все разнородные этапы своей истории, не отрекаясь ни от одного из них. Важно найти то общее, единое и целое, что связывает нас с предшествующими поколениями и то, что позволит выработать самобытное мировоззрение, национальную идею, успешную жизненную идеологию. Только тогда становятся реальными, если не «вечный мир», то «устойчивое развитие» как в масштабах отдельно взятой страны, так и в планетарном измерении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анжено М. Взрыв апокалипсических настроений. – URL: http://old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-09-24/angeno.htm

² Huyghe F.-B. et Barbès P. La soft-idéologie / ed.: R. Laffont, 1987. – URL: http://www.huyghe.fr/livre_12.htm

³ Ibid.

⁴ Halimi S. François-Bernard Huygue et Pierre Barbès. La soft idéologie // Politique étrangère. 1988. Vol. № 53. P. 773.

⁵ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. – М., 2006. С. 164 – 165, 169, 189.

⁶ См.: Zuckerman P.A. Common Good State: The Next Phase of Human Societies. – URL: <http://www.wfs.org/zuckerman.htm>; Материалы Круглого стола «Les ressources naturelles, un bien commun?» – URL: <http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien.html>; Descola Ph. A qui appartient la nature ? // La Vie des idées. 2008. 21 janvier.

⁷ См.: Ignatieff M. Empire Lite : Nation-Building in Afghanistan, Kosovo, and Bosnia. – Toronto: Penguin, 2003.

⁸ Assayag J. Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // Cités. 2005. № 24. P. 86.

⁹ Ibid. P. 91.

¹⁰ Ibid. P. 31.

¹¹ См.: Badie B. La fin des territoires. – Paris, 1995.

¹² См.: Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N. Y., 1990.

¹³ Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы». – URL: http://www.odnako.org/almanac/material/show_24128/

¹⁴ См.: Лагутин М.М., Богачев А.М. Мягкая сила и геополитика: истоки и современность. Дж. Най и его мягкая сила. – URL: <http://www.rulad.ru/novosti/myagkaya-sila-i-geopolitika-istoki-i-sovremennost-dzh-naj-i-ego-myagkaya-sila.html>

¹⁵ См.: Mueller M.L. Networks and States: The Global Politics of Internet Governance. – Cambridge (MA): MIT Press, 2010.

¹⁶ Цит. по: Савин Л. Кибердиссиденты. – URL: <http://old.geopolitica.ru/Articles/1402>

¹⁷ Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А. Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3 (21). – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media72609/49Yarygin.pdf

¹⁸ Черненко Е. Интернет-протокольная служба Госдепа // Коммерсантъ. №172 (4713). 15.09.2011. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1773567/print>

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Ярыгин Г.О., Цветкова Н.А. Netcitizens как новая целевая аудитория Интернет-дипломатии США.

²¹ См. там же.

²² Huyghe F.-B. Soft power, smart power & co... – URL: http://www.huyghe.fr/actu_901.htm

²³ Халяльный интернет? – URL: <http://homeservice.ucoz.ru/news/2012-05-03-716>

²⁴ Халяльный интернет – как это работает. – URL: // <http://texnomaniya.ru/internet-news/-quot-khaljalnii-j-internet-quot-mdash-kak-jeto-rabotaet.html>

²⁵ Дебре Р. Введение в медиологию. – М., 2010. С. 333.

Аннотация

Эра «конца идеологии» вовсе не привела к полной деидеологизации политического пространства. Напротив, эпоха господства одной-единственной сверхдержавы на мировой арене вызывает к жизни новую форму идеологического доминирования, которая необходима глобальному лидеру. Эта идеология оформляется сегодня в виде так называемой «мягкой идеологии», главными постулатами которой становится вытеснение глубоких дискуссий об обществе и его перспективах. Новой идеологии глобализма соответствуют косвенные и тайные тактики ведения современной «информационной войны», которые принимают вид настоящих кибер-боев в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: идеология, глобализм, информационная война, культурная идентичность, неокOLONиализм.

Summary

The era of «the end of ideology» hadn't been led to the whole deideologization of political sphere at all. Conversely, the age of domination of the only Superpower on the world stage brings to life a new form of ideological domination, required to the global leader. This ideology issued today in the form of so-called «soft ideology», main tenets of which become the displacement of deep discussions about the society and its prospects. The indirect and secret tactics of the modern «information war» mix with the new ideology of globalism. These tactics take the form of the cyber-fights in the virtual space.

Keywords: ideology, globalism, the information war, cultural identity, neo-colonialism.